

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

СОФИЯ
В ПАРАНДЖЕ

Александр Николаевич Афанасьев
София в парандже
Серия «Спецназ. Группа Антитеррор»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21626672

София в парандже / Александр Афанасьев.: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92049-5

Аннотация

Группе российских разведчиков приказано разыскать двойного агента Дагласа Сикерда. Некоторое время назад он выехал в Болгарию, чтобы на месте выяснить степень исламского проникновения на территорию этой страны, и пропал. ГРУ известно, что Сикерд активно сотрудничал с представителями мафии, контролирующей албанский наркобизнес. Связаны ли мафиози с деятельностью «ИГ» и кто стоит за исламизацией Болгарии – вопросы, которые предстоит выяснить разведчикам в ходе сложной и опасной операции.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Александр Афанасьев

София в парандже

*Нет дороги назад —
перекрыта и взорвана трасса,*

*И не рвитесь из рук —
время криво и вряд ли право.*

*Серный дым закрубился —
скользим по кускам
обгорелого мяса —*

*Вдоль багряных чертогов
Властителя Века Сего.*

Сергей Калугин «Оргия праведников»

* * *

**БЛИЗ СОФИИ, БОЛГАРИЯ БУЛЬВАР ХРИСТО-
ФОРА КОЛУМБА ЛЕТИЩЕ СОФИЯ – СОФИЙ-
СКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ**

17 сентября 2016 года

Болгария...

Я в Болгарии. Приземлился десять минут назад...

Если честно, я совсем не хотел сюда лететь. За последние месяцы в моей жизни было слишком много экстрима. Меня несколько раз пытались убить. Меня захватывали в плен и пытали отморозенные на всю голову бандеровцы. Меня пытались убить на границе Украины и Приднестровья. Меня пытались убить в Турции. Короче говоря, моя деятельность не нравилась слишком многим. И вот я в Болгарии, по очередному заданию российской военной разведки – найти и спасти пропавшего двойного агента. Задание из разряда «пойди туда – не знаю куда, принеси то, не знаю что».

– Ты должен направиться в Болгарию. И немедленно.

– А в Болгарии-то я что позабыл?

– Некоторое время назад ЦРУ послало человека на границу Турции и Болгарии в горную местность. По всей видимости, с заданием посмотреть, что там на самом деле происходит, каков уровень исламского проникновения. Он приехал в Софию, отметился в посольстве, в МВД, выехал – и пропал. Тогда американцы послали еще одного человека с небольшой группой – на поиски. Все они пропали.

– А я-то тут при чем? – удивился я. – Предлагаешь поискать?

– Да, предлагаю. Командир второй группы – командер Даглас Сикерд.

– Морские котики пропали?

– Именно.

– Как они пропали? Требуют выкуп... или в Ютуб что-

то скинули?

– С концами. Ни выкупа, ни ролика в Ютубе, ни трепы в соцсетях, ничего.

Думаю, американцы тоже ничего не знают. Нам известно, что они запросили помощи болгар – но там глухо. Сам понимаешь, в Сикерде мы заинтересованы.

– Может, он просто свалил?

– Да нет. Вряд ли. Конечно, исключать нельзя ничего – но вряд ли. Надо поискать, и вдумчиво...

– Есть зацепки, кто их похитил?

– Есть. Исламское государство.

– ИГ в Болгарии?!

– В Болгарии, в Болгарии. А ты думаешь, беженцы как идут – только морем, что ли? Граница Болгарии и Турции. Горы. Раньше это было одно государство, теперь разные. В приграничных областях живут помаки – это болгары, принявшие ислам во время турецкого владычества. Есть там и чистые турки, особенно много их в приграничье. В советский период была кампания, всех турков с турецкими фамилиями заставили поменять их на фамилии, похожие на славянские, – они об этом помнят, многие озлобились. Денег в Болгарии теперь нет, работы нет, ничего нет. Нищета галимая, в глухих деревнях, как и сто лет назад, вместо денег яйцами расплачиваются. Пользуясь этим, там уже с конца девяностых активно работает исламская пропаганда. Хизб-ут-Тахрир, Таблиги Джамаат, аль-Васатыйя. Созда-

ют кружки по интересам, вспоминают о своих корнях, старых фамилиях, строят мечети и медресе, ведут там проповеди, какие – не знает никто. Предлагают бесплатно посетить Турцию, Египет, Пакистан, обучиться в исламском университете. Бесплатно съездить в хадж. Думаю, там и турецкая разведка давно подсуелась.

– Капец!

– Еще какой... Вляпались братушки. Через несколько лет там будет вторая Чечня. Если в социалистические времена за этим как-то следили, то теперь никто и ни за чем не следит. Демократия, однако. А потом все будут хвататься за голову и другие выступающие части тела, как после Парижа. Как это могло произойти?!

– У меня нет никого в Софии. Я не знаю ни языка, ни людей. Никогда там не работал.

– С языком проблем нет, болгарин русского с пятого на десятое, но поймет. Как и русский болгарина. Человек у нас там есть. Причем он в теме и занимает очень важный пост. Точнее, занимал...

...

– Боян Иванов, генерал полиции, заместитель министра внутренних дел, отвечал за борьбу с терроризмом и организованной преступностью. В отставке сейчас. Учился у нас, в Омске, свободно говорит по-русски. Потерял работу пару лет назад, сейчас возглавляет фонд... консультирует... как обычно, в общем. Так вот, зацепка – не знаю, та

или не та, но зацепка. Боян Иванов после отставки сообщил нам, что, по его мнению, новый министр внутренних дел Болгарии Драгомир Стоянов тайно принял радикальный ислам и является сторонником Исламского государства. Серию провалов агентов болгарского МВД, внедренных в исламское подполье, ничем иным объяснить нельзя. Конечно, мы восприняли эту информацию с большим сомнением. Но новые факты заставляют задуматься и еще раз пересмотреть все, что мы знаем об этой ситуации.

– А если Стоянов является агентом турецких спецслужб?

– И это может быть. Но Иванов настаивает на своей версии...

Коммандера Сикерда я знаю лично, и это причина, почему я здесь. В таких случаях всегда посылают человека, которого агент знает лично, так и у агента будет больше доверия к тому, кто его пришел вытаскивать, и распространение информации об агенте будет сведено к минимуму. Проблема здесь в другом – я не знаю Болгарии, не знаю, что здесь происходит, и не знаю, как искать Сикерда.

Но я быстро адаптируюсь. В свое время я пошел на то, чтобы участвовать в экспериментальной программе ГРУ. Мне немного подредактировали биографию – чтобы было понятно, почему я уехал из России, я перебрался сначала в Прибалтику, получил там гражданство (это не так слож-

но и дорого, при прибалтийской нищете и ненависти к России, они принимают с распростертыми объятиями, достаточно только сказать, что бежишь от тоталитарной диктатуры), а потом в Швецию и стал активной ячейкой российской разведки на противоположном берегу Балтики – в одном лице.

Какое-то время работал вполне удачно, потом – «засветился», но чудом выпутался из ситуации и даже денег заработал. Я мог бы и сейчас сидеть в арендованном офисе в детективном агентстве, с девяти до четырех, и пить кофе. Может, у меня были бы даже клиенты. Но мне стало скучно – и я быстро обеспечил себе очень даже нескучную жизнь. Польша, Украина, Турция, теперь вот Болгария. Это перечень стран, в которых я находился за последний год. И везде у меня были серьезные проблемы.

Аэропорт Софии был новеньким, чистым, перестроенным. Один из признаков Евросоюза – новенькие аэропорты, и их много. Дело в том, что в Европе действует так называемое «соглашение открытого неба» – каждый может летать куда угодно и сколько угодно, без ограничений. В результате ожесточенной конкуренции и появления множества малобюджетных перевозчиков цены на авиабилеты снизились настолько, что про европейскую доступность авиасообщения русским нет смысла рассказывать, они не поймут. В Великобритании, Германии – уже норма на уик-энд слетать куда-нибудь в страны Восточной Европы и отдохнуть – понимаете, просто на полтора дня слетать и отдохнуть. Билет может сто-

ить двадцать, тридцать, даже десять фунтов со скидками – для британца это один раз проехать в такси... как-то так. А аэропорты в Европе – часто это бывшие военные базы – превращаются в центры новых малоэтажных агломераций. Люди сознательно уезжают из городов, селятся около аэропорта в сельской местности (в Европе почти вся сельская местность, как у нас коттеджные поселки), на работу ездят на машине или работают удаленно, а на уик-энд или в отпуск куда-то летят на самолете или опять-таки едут на машине. Что такое Европа с точки зрения уровня жизни и благосостояния (по крайней мере, ее среднего и высшего класса), удобства и транспортной доступности – мы, русские, даже себе не представляем. Но и украинцы не представляют. Работая на Украине – я постоянно слышал, что вот мы вступим в Европу или должны вступить в Европу – и вот тогда-то... Я, уроженец России, проживший сначала на периферии Европы, в Прибалтике, а потом перебравшийся в одну из самых богатых ее частей, в Швецию, на это только улыбался. В Европу нельзя вступить. Европой можно только стать. Далеко не все, кто находится в ЕС, – Европа. И Европа не исчерпывается теми, кто вступил в ЕС. Например, Норвегия – по образу жизни это типичная, очень богатая европейская страна, но при этом норвежцы категорически отказываются вступать в ЕС, несмотря на то, что их звали, и не один раз. Причина? Смысла юридически подтверждать свою принадлежность к Европе у них нет – они и так Европа, и все это понимают. А

вот финансировать общеевропейские программы, выделять деньги на всяких нищелюбов из своего огромного суверенного фонда, принимать чесоточных и туберкулезных беженцев со всего мира они не хотят.

Одна из стран, которая юридически являлась Европой, но фактически не была ею – сейчас передо мной...

Болгария, это страна, приезжая в которую ты как бы не покидаешь пределов русского мира – несмотря на то, что юридически Болгария к нему никогда не принадлежала, ни до 1917 года, ни после. Одни и те же люди. Одни и те же здания – смотря на Софию, мы вспоминаем Минск, или Киев, или Екатеринбург... разницы практически нет, типичный постсоветский город с постсоветской архитектурой. Немного, правда, чувствуется восточное влияние – и в церквях, и в зданиях. Все-таки Болгария очень долго была частью Османской империи, и своего следа она не оставить не могла.

Аэропорт находился довольно далеко от города, поэтому я взял такси – здесь это был типичнейший для России «Логан», правда, не «Рено», а «Дачия», производимый в соседней Румынии. Вся Восточная Европа на таких ездит. Дорога была лучше, а автомобильный поток – наоборот, намного беднее, чем в России. В России полно внедорожников – дорогих и дешевых, но внедорожников. Здесь их почти нет. Грузовиков тоже мало, попадаются даже такие раритеты, как «ГАЗ-53».

– Русский? – спросил водитель, держа скорость под сто.

– Да, – ответил я и добавил: – Из Швеции.

– По делам или отдохнуть?

– Сам пока не знаю. – Я решил перехватить инициативу: –

А что, русских тут много?

– Много. Мой сын дом для них строит... дома. Русские дом покупают. Много дома, некоторые почти все русские живут. Это хорошо, что русские снова пришли. Жить будем...

Я вспомнил Украину, из которой бежал совсем недавно... вспомнил, как орали «москалей на ножи!», как памятник дружбе украинцев и русских в Киеве называли «ярмо», и только тяжело вздохнул...

Заселился я пока не в отель, а в хостел, расположенный в небольшом отреставрированном доме девятнадцатого века. Передвигаясь по цивилизованному миру при таких обстоятельствах, как у меня, лучше не селиться в отелях. В отелях с вас попросят расплатиться карточкой и показать документы – будьте уверены, что информацией о постояльцах они делятся с полицией. А хостел чаще всего держит семья или один человек, они с удовольствием примут наличные и никому о вас не сообщат. Короче говоря, путешествуете по Европе – селитесь в хостелах, держитесь ниже уровня радаров. И не прогадаете...

За три ночи с завтраком и отдельную комнату я заплатил чуть больше трех тысяч в пересчете на рубли. Это дорого, можно найти хостел втрое дешевле. Никаких вещей я там

оставлять не стал, все вещи при мне – в наплечной сумке...

Первым делом, выйдя в город, я купил телефон и СИМ-карту к нему. Местный оператор М-тел, не знаю, есть ли у него какие-то связи с МТС, да и не хочу знать.

Была акция на телефоны «Сони Иксперия», вот и купил. Затем купил местный проездной и с ним сел на трамвай – посмотреть Софию, а заодно посмотреть, нет ли за мной «хвоста». Вполне может быть, учитывая события в Турции и Украине.

Чужаком в Софии я себя не чувствовал, наоборот – словно в Россию вернулся.

Смотря в окно на проплывающие за окном дома и зелень, я думал об Украине. Наверное, напрасно я согласился участвовать в той гребаной полицейской программе. На кой мне это было надо? Кому и за что я мстил? И для чего я подставил под молотки себя, подставил молодых пацанов – весь мой экипаж? Борис и Игорь убиты, их убили свои же, украинцы – если можно считать отморозков, бандитов и убийц своими. И ради чего они пали? Ради возможности изменить то, что в принципе изменить невозможно, а можно только уничтожить?

Я много путешествовал по Восточной Европе, пользуясь возможностями, какие у меня были. В Чехии, у Карлового моста, услышав мой русский, какая-то старуха злобно сказала – зачем приехал, оккупант? Я обернулся и ответил – забыла, как на этом месте стоял памятник Гейдриху, которо-

му должен был кланяться каждый чех?! Стоявшие рядом чехи заулыбались и зааплодировали. Мне – зааплодировали... Чехия вообще интересная страна, славяне и при этом сто процентов Европа, и если бы не шестьдесят восьмой... так и не пойму, зачем мы с танками-то туда полезли. Но, несмотря на шестьдесят восьмой, чехи считают, что мы освободили их дважды, сначала от Австро-Венгрии, потом от Третьего рейха. Нормально к русским относятся в Чехии, Словакии, Румынии, Германии, Беларуси, теперь вот – Болгария. Но при этом Польша, Прибалтика, Украина – везде недоверие, страх, а где-то и дикая ненависть, от которой оторопь берет даже европейцев. Почему же так?

Есть у меня теория на этот счет. У стран – разные исторические траектории и судьбы, но их можно поделить на две большие группы. В одной – народ и элиты были в общем-то едины, они смотрели в одном направлении. В другой – народ и элита были расколоты. В той же Болгарии, в которой я сейчас нахожусь, элита была сначала проосманской, потом пронемецкой, этим объясняется тот факт, что обе мировые войны Болгария воевала против России. А народ был прорусский – уже после девяносто первого года болгарская молодежь не дала снести памятники советским солдатам-освободителям. В Чехии элиты были сначала австро-венгерскими, потом пронемецкими или пробританскими. В Беларуси – пропольскими и сильно отличались и верой, и языком от простых белорусов. В итоге простой народ принимал рус-

ских как освободителей от чужого влияния, чужой элиты и чужого государства. Когда-то в ту же категорию входила и Украина – простые украинцы считали русскую армию армией-освободительницей от поляков и магнатства, сначала польского, а потом и нарождающегося своего. Но когда формировалось государство, где элита и народ становились едиными – Украина после 91-го, Польша, Прибалтика, – тогда русские воспринимались уже с ненавистью, как оккупанты. И никакого решения этой проблемы мы, русские, не нашли, даже не приблизились к решению.

Вышел на какой-то остановке, огляделся. Узкая улица, трамвайные пути посередине, деревья, дома-«сталинки»... ну чисто Россия. Собрал телефон, набрал номер, который помнил наизусть.

– Алло?

– Господин Иванов?

– Да.

– Меня зовут Александр. Я торгую средствами защиты, мы договаривались.

– Простите?

– Евгений Михайлович звонил.

– О, да. Понял. Через час около памятника Александру II устроит?

– Да, устроит.

– Черный «Мерседес». Вы поймете...

Похоже, что генерал Иванов не бедствовал.

– Буду ждать...

Телефон я сразу разобрал, «симку» выбросил в мусорку. Надо будет купить еще пару стартовых комплектов по дороге...

Памятник Александру II здесь назывался памятником царю-освободителю, он был открыт в начале двадцатого века и стоял до сих пор – теперь напротив отеля «Рэдиссон». Никакая власть в Болгарии, ни коммунистическая, ни нацистская, не посмела его снести: люди бы не поняли. Александр II известен в Болгарии как царь-освободитель, именно он начал Русско-турецкую войну, входе которой мы чуть не взяли Константинополь. Эта война – одна из немногих в истории России, начавшаяся не по решению царя, а под давлением общественного мнения, и одна из многих, победу в которой у нас украли. Британская империя пригрозила нам войной, если мы войдем в Константинополь... а за двадцать лет до этого они воевали с нами, пытаясь отнять Крым. Смешно... через сто пятьдесят лет Европейское сообщество угрожает нам ввести новые санкции, если мы возьмем Мариуполь. Хотя, если разобраться, смешного-то тут мало. Получается, что мы отступаем...

Место это было оживленное, в самом центре. Не успел я подойти к памятнику, как рядом затормозил «шестисотый» «Мерседес», правда, предыдущего поколения, черный. В Албании такой можно взять тысяч за пятнадцать, если угнанный, если нет – то за тридцать-сорок.

Здоровенный детина высадился с переднего сиденья, жестом потребовал показать руки. Обыскал меня, затем открыл заднюю дверцу машины.

Я сел – и «Мерседес» тронулся...

Генерал Боян Иванов выглядел как типичный болгарин – полноватый, волосы с проседью, круглые совиные глаза, нос картошкой. У болгар почему-то есть привычка иначе держать голову при разговоре, если мы, русские, держим ее чуть наклоненной вперед, то они, наоборот, отклоняют ее назад. Возможно, это пошло от турок.

– Здравствуйте, – протянул он мне руку.

– Здравейте, – пожал я ее.

– Можете говорить на русском. Русский и болгарский совсем не отличаются. Мое имя Боян Иванов.

– Александр.

– Хорошо, Александр. Вы любите болгарскую кухню?

– Прошу простить, но я ее не знаю.

– Это очень хорошая кухня, сильно не похожа на вашу. Мы долгое время жили в Османской империи, и многие наши блюда похожи на восточные. Многие русские, приезжая, говорят, что у нас очень добрая кухня...

Как оказалось – «организовывать» умели и болгары.

С генералом мы ехали достаточно долго – настолько долго, что я начал подозревать нехорошее. Проехав километров

тридцать от Софии, мы остановились, водитель высадил нас и газанул.

– Он пока подготовит стол, – сказал генерал.

Я огляделся. Место было потрясающим – почти пустая горная дорога, впереди – полукруглый свод пробитого в ней тоннеля. В долине течет река, и вокруг – безумие красок, зеленой, желтой, красной, оранжевой. Какие-то листья уже пожелтели, какие-то еще оставались зелеными. Где-то вдалеке, внизу у реки, виднелись маленькие, почти игрушечные домики. И над всем над этим – синее, в белесых проплешинах облаков, бездонное небо...

Мне это сразу напомнило Аргунское ущелье в Чечне. Ущелье, обильно политое русской и чеченской кровью...

– Красиво, да? – с гордостью спросил генерал. Мы медленно шли по обочине дороги, метров пятьдесят было под нами, и метров сто – над, дорога проходила по стенам ущелья... – Это Искырское ущелье, одно из самых красивых мест Болгарии. Я часто приезжаю сюда. Очень тихо...

– А эти люди, – показал я на домики, – кто там живет?

– Крестьяне.

– Мусульмане?

– Нет, православные. Мусульмане в другом месте. Почему вы так подумали?

– Мусульмане обычно бывают в горах. Я сталкивался с этим.

– Я знаю... ваш Кавказ. Очень похоже. Я был там.

– Зачем?

– Чтобы знать врага. Эта война продолжается уже более тысячи лет. И мы – на ее переднем крае.

– С мусульманами?

– Да. Вы, русские, просто не знаете, что это такое – быть под пятой мусульман.

– Ошибаетесь, – вздохнул я, – знаем. Просто восемьсот лет прошло, и мы забыли про это.

«Мерседес» ждал нас за поворотом. На капоте был накрыт импровизированный стол, с лепешками, которые надо есть с оливковым маслом и чесноком, с нарезанным суджуком – знаменитой болгарской сухой колбасой, которая отличается от нашей тем, что имеет форму сильно приплюснутого овала – ее раскатывают скалкой. На столе было много чего еще, а также – водка и пиво. Охранник занял место за машиной, а водитель – перед ней, при этом у охранника был короткоствольный автомат.

Генерал, подавая пример, взял хлеб и положил на него несколько ломтиков колбасы.

– У нас, у болгар, нет традиции есть хлеб с мясом, у нас хлеб обычно делают сладкий или лепешками. Есть хлеб с мясом я научился у вас.

– Евгений рассказывал, – неопределенно ответил я.

Суджук и в самом деле был очень вкусный

– Евгений рассказал вам про мое дело? – спросил генерал.

– Местами, скажем так.

– Простите?

Я мысленно сделал себе замечание – за границей наш сленг вряд ли поймут.

– Рассказал, но, возможно, не все. В свою очередь – вы знаете, что интересует меня?

– Да, американцы...

– Вам что-либо известно?

– Боюсь, ничего, за исключением того, что они пропали примерно в тех же местах, где пропадали и мои агенты. Думаю, те люди, которые находятся там, не хотят, чтобы кто-то знал про них много, понимаете, да?

– Что с ними могло произойти?

– Все, что угодно, – вздохнул генерал. – Видите ли...

– Александр.

– Александр... В Болгарии сейчас ситуация очень... – Он пощелкал пальцами, подбирая слово, – непростая, да... Наша страна больше не принадлежит нам, мы – часть Евросоюза. Из полиции, из служб безопасности изгоняются все профессионалы, особенно те, кто учился в Советском Союзе или России... они считаются... ненадежными, да. Большая часть из тех, что пришли, имеют за плечами курс в шесть месяцев в международном полицейском колледже... и еще стажировку. В России я учился полицейскому делу пять лет. Нам запрещено вести работу среди опасных этнических групп, потому что это... недемократично. Вы видели цыганские квар-

талы, Александр?

Я отрицательно покачал головой, потом, спохватившись, что у болгар это означает «да», просто кивнул.

– Экономика Болгарии в плохом состоянии, – продолжал генерал, – ничего не работает, люди уезжают. Многие из тех, кто уволен из милиции и органов безопасности, встали на преступный путь...

Я вспомнил Пламена – интересно, знает ли его генерал. Еще смешно... украинцы проводят одну люстрацию за другой... интересно, а они что думают, куда денутся уволенные менты и «безопасники», тем более такие, которых не увольнять, а расстреливать надо...

– ...В Болгарию хлынули беженцы, а цыгане, которых раньше заставляли работать, встали на антисоциальный путь. Они занимают целые кварталы в городах, есть даже в Софии. Приезжают из деревень, селятся в городах, чтобы заниматься воровством, попрошайничеством, проституцией. Селятся в многоэтажки. На первом этаже обычно проламывают стены и делают конюшню. Мусор выкидывают прямо в окна, он там до второго-третьего этажа. Разбирают и продают угнанные машины, воруют детей...

Генерал говорил с болью в голосе, было видно, что ему действительно не все равно, что происходит с его страной. И правительство Болгарии явно ошиблось, уволив его: найти в наши дни равнодушного человека большая удача. Но все его слова ни на шаг не приближали меня к разгадке исчез-

новения командера Сикерда.

– Господин генерал, я должен найти у вас одного человека.

– Да, конечно. Я делаю все, что могу, в милиции... полиции у меня еще остались друзья. Но мы не нашли следов вашего человека ни в одной из гостиниц. Это значит, он, скорее всего, поселился где-то нелегально, заплатил наличными. Если человек сам не хочет, чтобы его нашли, это сложно сделать. Кроме того, в нашей стране есть американские военные базы...

– Он выделяется тем, что не знает болгарского языка. И он может быть связан с наркомафией, – выдал я часть информации.

– С наркомафией? – заинтересовался генерал. – Какой?

– С албанской.

– Плохие люди. Всегда были плохие. – Генерал вытащил блокнот и, сделав запись, добавил: – Будем искать, спасибо, что сказали.

– Теперь ваша очередь.

Генерал вытащил из блокнота фотографию и подал ее мне:

– Генерал Драгомир Стоянов.

Я смотрел на фотографию... явно из личного дела. Генерал был суше в кости, иранский, скорее всего, тип. Выделялись седые усы при черных волосах. Выглядел он импозантно, если бы я не знал, кто это, принял бы за иранца или турка.

– Кто он?

– На сегодняшний день – министр.

– Кто он вам? – заподозрив неладное, спросил я.

Генерал долго молчал, перед тем как ответить.

– Генерал Стоянов был человеком, который учил меня.

Генерал Стоянов назвал мое имя, когда шла речь об отправке молодых милиционеров на учебу в СССР. Он тогда не был генералом, и он, и я... как это называется... отвечали за порядок в городе.

– Патруль.

– Да, патруль. Я всегда считал его своим отцом в милиции.

Вот почему я никак не могу понять, каким образом он мог принять ислам.

– Может, это не так? Может... – Я осекся – как сказать, чтобы не обидеть генерала, – и продолжил: – Может, он действовал... из политических соображений?

Вместо ответа генерал протянул мне еще одну фотографию, на ней был запечатлен человек, которому перерезали горло.

– Это было несколько лет назад. Я был начальником второго спецотдела МВД Болгарии, занимался секретной работой, понимаете?

– Агенты... понимаю.

– Да. Агенты. Этот человек... он был мусульманином и моим агентом. Я работал с ним сам... знал, что в Болгарию проникают опасные люди из Югославии... очень опасные люди, Александр. Много оружия. Как думаете, какая страна

производит больше всего опиумного мака?

– Афганистан?

– Нет, Турция. В Турции семьдесят тысяч фермеров выращивают опиумный мак легально. Именно турки вывели сорта мака, которые позволяют получить в несколько раз больше наркотика, чем обычный природный мак. Они экспортируют все это для потребностей лекарственных компаний. Но никто не знает, сколько мака они утаивают и перерабатывают на героин. Все это идет в Европу... через нас и через Украину. Афганистан – мировой враг, американцы воюют с ними, а Турция – друг, они помогают им, чтобы снова были османы.

– Я только что из Турции, – сказал я, чего говорить был не должен.

– Тогда что я говорю... Они хотят вернуться в девятнадцатый век, понимаете? Хотят, чтобы был ислам.

– Мы говорили о Стоянове, – напомнил я.

– Постепенно мой человек поднялся очень высоко в тайной иерархии. В девяносто седьмом Усама бен Ладен приехал в Боснию, собирались все. Там был и мой человек. У меня есть снимки и записи бен Ладена, которых нет больше ни у кого в мире! И вдруг – его убили. Жестоко убили, видите фотографию?

– Он мог провалиться по тысяче разных причин.

– Да. Но это был не просто агент. Это был... дальний родственник. Я много лет тайно вел расследование...

– Служебное.

– Да. Чтобы понять, что произошло. В конце концов, я решился на эксперимент. Была информация, о которой знали только я и Стоянов. Через два дня исламисты об этом тоже узнали. Человек, которого я якобы должен был арестовать, скрылся.

– Он мог просто испугаться.

– Нет, Александр, не мог. Дело в том, что этот человек не был виновен ни в чем... уголовном. Он не мог испугаться, только если ему не сказали.

– Хорошо, что вы сделали потом?

– Я пришел и спросил.

– Кого?

– Стоянова.

– И что?

– Он все отрицал. А через день меня уволили, якобы за нарушение порядка работы с секретной документацией.

Только большим трудом мне удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Вот представьте себе, приходите вы к начальнику и спрашиваете: Сидор Карпыч, а не являетесь ли вы агентом МОССАДа? Ну как? По-моему, после такого шансы сохранить работу становятся просто минимальными.

– Когда это было?

– Два года назад. – Генерал постучал ладонью по капоту: – Да вы угощайтесь...

– Благодарю.

– Как видите, я не бедный человек, я нашел работу... но происходящее не дает мне покоя. Когда меня уволили, многое из того, что произошло – тогда и представить себе было нельзя. Не было ИГ... точнее, они были, но про них никто не знал. Не было расстрелов в Париже, не был взорван ваш самолет над Синаем. А теперь... Болгария стала одним из мест, где через границу с Турцией просачиваются беженцы. Мы не знаем, кто они и что они замышляют. Недавно я был на границе... есть такое село Звездец. Это бывшая военная часть, раньше в военном городке жили цыгане, а теперь цыгане пропали, и там мусульмане. Нас заставляют принимать все больше и больше беженцев. Я – болгарин, как только я вижу их – душа моя кричит о тех временах, когда наш народ находился под оккупацией. А теперь я думаю о том, что, если мой учитель Драгомир Стоянов является тайным сторонником ИГ, нам всем конец. Теперь понимаете, почему это так важно?

Я смотрел генералу в глаза, и мне не нравилось то, что я видел. Дело в том, что любой детектив должен быть психологом, причем намного большим, чем полицейский. У нас нет УПК, и потому нам надо понимать человеческую природу и распознавать ложь лучше, чем это делают полицейские. Бывает, когда человек просто лжет. Бывает, когда у него не все дома.

Бывают состояния, пограничные между адекватностью и неадекватностью. Но я не видел у генерала Иванова ни одно-

го признака, свидетельствующего о его душевном расстройстве или неадекватности. Он был полностью адекватен и беспокоился за свою страну. Вот и все. И он на самом деле верил, что Стоянов принял радикальный ислам. А я должен был что-то делать с этим.

– Стоянов мог продать информацию за деньги?

– Этого не может быть, – энергично закивал головой Иванов. – Мы боролись с мафией. Можно было продаться мафии и стать миллионером, так многие делали. Но он не продался. Он не брал деньги, хотя ему предлагали. Это самое простое оправдание... но нет. Он принял ислам. Отуречился. Другого объяснения нет.

Я помолчал, потом кинул в рот кусочек колбасы и прожевал. Действительно вкусно.

– Мне нужна машина. Неприметная... такая, чтобы не выделялась в потоке. И квартира.

– Будет.

– Бинокль, видеокамера, фотоаппарат с объективом. Телефон, и... знаете, есть такое приложение, чтобы незаметно снимать на ходу. Ноутбук и переходник к нему, ридер для карточек¹.

– Будет.

– Какие-нибудь документы на мое имя. Чтобы недосматривали.

¹ Имеется в виду ридер, чтобы считывать карты памяти фото- и видеокамеры. –
Здесь и далее прим, автора.

- Будет. Только фото надо сделать.
 - Еще знаете... такие камеры, веб-камеры для наблюдения. Для улицы. И адреса генерала Стоянова. Дом... работа.
 - Будет.
 - Охрана у генерала большая?
 - Три человека. У государства нет денег на охрану.
 - Профессионалы?
 - Да.
 - Хорошо. И пока я проверяю информацию, выясните, куда делись американцы. Я так понимаю, вы это можете.
- Генерал покачал головой. На языке болгар, это означало «да».

Информация к размышлению *(Документ подлинный)*

В среду на популярном среди россиян болгарском курорте Бургас совершен теракт. Смертник подорвал в местном аэропорту автобус с израильскими туристами, прилетевшими на отдых.

Информация из оцепления приходит крайне скудная и противоречивая. Аэропорт Бургаса по-прежнему блокирован полицией. Туда никого не пускают. Здесь скопилось большое количество пассажиров, которых сейчас автобусами отправляют в близлежащий аэропорт – в Варну. А некоторые отказываются лететь и уезжают своим ходом, например, в Софию.

Известно, что взрыв произошел примерно в 17.30 вечера по местному времени, в 80 метрах от выхода из аэропорта, в крыле прилета – это парковка, где расположены автобусы. Взрыв прогремел в автобусе в тот момент, когда в нем находились 40 израильских туристов, которые прилетели в Болгарию на отдых. Бомба находилась в багажном отсеке автобуса ближе к первой двери.

*** * ***

ГРАНИЦА БОЛГАРИИ И МАКЕДОНИИ РАЙОН БАНСКО, ПЕРЕХОД ДЕВЕ-БАИР

18 сентября 2016 года

Мы сфотографировались в ателье, на следующий день утром я встретился с охранником генерала на том же месте. Он передал мне удостоверение полицейского сотрудника с моей фотографией, два больших чемодана с аппаратурой и ключи от «Шкоды Октавия» серого цвета.

Со всем этим я выехал в Банско.

Банско – это популярный в Болгарии и за ее пределами горнолыжный курорт, аналог нашей Красной Поляны или украинского Буковеля. Это самый юго-запад Болгарии, где проходит граница и дорога, ведущая на македонский курортный город Охрид (он на берегу огромного вулканического озера, там очень красиво). Сам Банско осенью – хлебосоль-

нейшее место, все богатство болгарской земли здесь, и оно сопровождается вкуснейшей речной рыбой, которую подают запеченной, лепешками и оливковым маслом. Я не большой любитель речной рыбы – но здесь не остановиться и не отведать просто не мог.

Дорога от Банско до границы вывела меня на переход Деве-Баир – Гюешево. Пограничный переход Деве-Баир был совсем новым, явно построенным за деньги ЕС. Здание с красной черепицей, три огромных флага – ЕС, Болгарии и Македонии, и все это на фоне покрытых лесом гор. Примета нового времени – огромная очередь в сторону Македонии, полиция обыскивает все машины. Ищут беженцев – беженцы и нелегалы никому не нужны. В обратную сторону дорога пустая, редкие машины почти не удостоиваются внимания таможенников. Почему?.. На другой границе болгары повесили плакат специально для беженцев. На нем написано: **Добро пожаловать в Болгарию. Нет денег, нет работы, нет будущего. Поворачивайте назад...**

Думаю, этими словами можно исчерпать описание судьбы Болгарии после вступления ее в ЕС. В Румынии то же самое, там в парламенте человек в знак протеста бросился с балкона. Из пяти основных стран Восточной Европы успешными оказались две... теперь уже три. Чехословакия разделилась на Чехию и Словакию – но успешны обе. Словакия занимает место мирового лидера по объему выпуска машин на душу населения – дело в том, что там крупный совмест-

ный завод малолитражек открыли и еще что-то. А Чехия выпускает, как всегда это делала, оружие, автомобили, тяжелую технику, станки, плюс к этому – пиво и доходы от туризма: Прага один из самых посещаемых городов континента. Успешной с оговорками можно назвать Польшу – хотя в Англии слово «полиш пипл» стало синонимом гастарбайтера, поляки шинкуют капусту и подмывают задницы в больницах по всему западу континента. В Польшу активно вкладывают две страны – Германия и США. Германия по указке США, а США... догадайтесь, зачем? Как только поляки сбросили коммунистическую власть, американцы списали им пятьдесят миллиардов долларов долга. Не отсрочили, не снизили процент – а списали вчистую. И все равно – достаточно приехать в Варшаву, прошвырнуться не по туристическим местам, а по окраинам, чтобы понять: успешность Польши искусственная и зависит от огромной поддержки со всех сторон. Не будет ее – и Польша рухнет.

А вот все остальные страны Восточной Европы... Венгрия, Румыния, Болгария... это весьма мрачное зрелище. Болгары – тихие и незлобливые люди, они постоянно ждут, когда кто-то придет и освободит их. Но ждать в двадцать первом веке придется долго...

Я поставил машину на обочине, носом против направления движения, открыл окно, сидел, смотрел на горы и ждал...

Огромный черный джип с угрожающей хромированной

решеткой «кенгурятника», даже не подумав остановиться на границе, на скорости прошел пост, свернул на обочину и остановился, затормозив в метре от моей радиаторной решетки.

Хлопнула дверца. Я тоже вышел.

– Алекс...

– Пламен...

Пацанов привез Пламен, на громадном «Форде». Я его знал по событиям в Косово, он работал на человека, дочь которого я спас из банды наркоторговцев и отморожков. Теперь этот человек был мне должен и знал это.

Мы обнялись. Пламен был все таким же – пожилой, полысевший, в черной кожаной куртке-бандитке и с волчьими глазами. За его спиной мялись мои подопечные – морские пехотинцы, с которыми мы сильно покуролесили в прошлом году в Албании, а недавно сильно умножили число шахидов на пути к Аллаху в Турции.

– Как живешь?

– Нормально живу. Как ты?

– Тоже нормально. Только...

– Что – только?

Пламен тоже был болгарин, выброшенным на помойку, бывший представитель спецслужб, теперь работал на мафию.

– Проблемка у меня есть одна. Знаешь генерала полиции Иванова?

– С ним не договориться, – скривился Пламен.

– Совсем?

– Совсем. Честный, гад. Если он тебе поперек дороги встал, имей в виду – с ним не договориться...

Это и было лучшей для меня рекомендацией.

– Пообедаешь с нами?

– Извини, друг, я спешу. Давай перегружать...

В отличие от меня, пацанов ГРУ отправили по популярному туристическому маршруту через Сербию. Там их встретил хорошо уже им известный Пламен, снарядил оружием (учитывая то, что они отправляли оружие в Африку и на Ближний Восток, проблем с этим не было) и переправил через границу с Болгарией... Он не пожадничал. Три автоматические винтовки и снайперская винтовка, гранатомет, пистолеты. Все – новое, марки Тара. Тара – это македонская фирма, она выпускает малоизвестные до недавнего времени винтовки и пистолеты, похожие на «глок», «вальтер» и «Хеклер-кох» одновременно, а винтовки – как «Хеклер-кох 416» для бедных. На военном рынке они не слишком-то известны – но винтовки Тара, например, были замечены у вьетнамского спецназа, в Ираке и в Сирии. Винтовки с глушителями и оптическими прицелами ACOG. На них была торговая марка Schmeisser – ничего удивительного, фирма продвигает македонские винтовки на гражданский рынок под собственным брендом. Кроме того – пять противотанковых гранатометов типа AT-4 и три килограмма взрывчатки с различными де-

тонаторами. Вдобавок Пламен дал крупнокалиберную снайперскую винтовку и полуавтоматический гранатомет. Всего этого хватило бы, чтобы начать небольшую войну...

Перекусив всухомятку, мы с трудом погрузились в машину и направились обратно. По пути я рассказал им, с чем придется иметь дело.

– Не верю, – фыркнул Студент.

– Мало ли такого в Чечне было... – заметил Трактор.

– Да, но министр...

– А что министр? Дерьмо всегда вверх всплывает, – подключился к разговору Шпиц. – В Чечне кто маршруты конвоев продавал, Ванька-взводный, что ли. Понятно, что...

– Ну, то, что он берет, это сто пудов.

– Мой источник сказал, что не берет – идейный ваххабит.

– Что он – хоббит? – снова хмыкнул Студент. – Министру-то зачем? Чего ему не хватает в жизни?

– А тем, кто подрывается, им зачем? – спросил до этого молчавший Карлик.

– Как бы то ни было, – сказал я, – план такой – мы берем под контроль министра и его семью. Плотно смотрим, как он, что он. В качестве ответной услуги генерал Иванов занимается пропажей нужного нам человека. Как только этот человек находится – работаем по обстановке. Скорее всего, придется освобождать с боем. Хотя и не факт. Оружие можете списать, за него уплачено.

– Да на фиг нам...

– Не, пригодится, – возразил хозяйственный Трактор, – продадим, если че.

Эта четверка – с моей подачи – уже год с лишним работала частными военными контрактниками. А они за свои деньги покупают и оружие, и боеприпасы, которые совсем не дешево обходятся. В Ираке югославский «Калашников» стоит больше тысячи долларов, М16 – две с половиной, М4 – шесть, если новая. Одна Тара в такой комплектации там уйдет минимум за десятку, если кто-то решит купить...

– Шеф... а контролировать министра внутренних дел... я правильно понял? – осторожно спросил Студент.

– Ага, – кивнул.

– Это для здоровья не вредно?

– Жизнь вообще штука вредная. Заканчивается смертью. Это Болгария – раз. Иванов выдал нам всю схему организации охраны – два. Это все равно кто-то должен сделать – три. Согласитесь, если министр внутренних дел Болгарии – тайный ваххабит, последствия могут быть очень мрачные.

– Это да... – сказал Трактор и получил локтем в бок от соседа...

Информация к размышлению

(Документ подлинный)

В Болгарии в подпольных исламских школах пропагандируют ваххабизм. В настоящий момент там работают десятки незаконных исламских школ, говорится в заявлении

партии «Порядок, законность, справедливость». Они действуют под прикрытием курсов по арабскому языку и менеджменту, но не зарегистрированы, сообщает Православие. БГ. При этом контролю не подлежат ни программы, ни учителя, ни толкование Корана, утверждают в формации, руководимой известным политиком Яне Яневым.

В Сырнице, например, изучается ваххабистская версия ислама, которая в Чечне привела к взрыву религиозного фанатизма и войне. Все эти религиозные школы в Исперихском, Силистренском, Пловдивском районах и в Западных Родопх финансируются в основном исламскими фондами с Ближнего Востока.

Все штаб-квартиры «фондов» и «школ» находятся неподалеку от сел с болгаро-мусульманским населением, это показывает, что грозит радикальная исламизация. Недооценка этих скрытых процессов может привести к тяжелым последствиям, заявляют в партии.

Уже два десятилетия Болгария фигурирует на карте ЦРУ в качестве государства, на территории которого базируются радикальные исламисты и куда направляются средства из арабских фондов под маской социальной и образовательной деятельности.

В связи с этим политический совет партии «Порядок, законность, справедливость» потребовал от компетентных органов принять незамедлительные меры по защите национальной безопасности Республики Болгария.

СОФИЯ, БОЛГАРИЯ

19–20 сентября 2016 года

Министр внутренних дел Республики Болгария проживал за городом, в своем доме (на особняк или коттедж это никак не тянуло), а работал в центре Софии.

Министерство внутренних дел Болгарии представляло из себя мрачного вида четырехэтажное здание белого цвета, расположенное на узкой улочке Софии напротив какого-то здания постройки начала века. На флагштоке уныло висел флаг Болгарии. И все это напоминало здание ГУВД в каком-нибудь российском городе-миллионнике.

Министр Стоянов ездил на работу на автомобиле «Мерседес-Бенц» черного цвета выпуска где-то конца прошлого десятилетия. У него был один шофер и один телохранитель, больше наблюдения за ним я не заметил, но это не значило, что его не было. Аккуратно «приняв» его на границе городской черты, я довел его до здания министерства и мрачно подумал, что следить за министром внутренних дел – идея не из лучших. Для постановки наблюдения даже за одним объектом требуется профессиональная бригада и как минимум три автомобиля, а лучше пять-шесть. Учитывая, что объект – министр, можно и больше. А нас было всего пятеро, и у

нас был ограниченный автомобильный парк. И чужая страна вокруг. Рано или поздно кого-то из нас «срисуют», и это поставит под удар главную нашу миссию – освобождение Сикерда.

Поэтому я решил не рисковать, не ставить постоянно «колеса» за министром, а присмотреться к его семье. Их вряд ли охраняют. Не та страна...

У генерала Стоянова была супруга Иванка, с которой он прожил почти тридцать лет в законном браке, и два ребенка, оба взрослые. Сын Любен и дочь Катя. Сын Любен, как и полагается сыну министра, был бизнесменом, ездил на «Мерседесе» G-класса, а дочь работала в университете, ездила на универсале «Фольксваген Пассат».

Поскольку силы и средства у нас были ограничены, я предположил, что шестидесятилетняя женщина, родившаяся при треклятых коммунистах, вряд ли примет радикальный ислам, и потому следить за ней нет никакого смысла. Значит, мы разделились на две пары: одна должна была следить за сыном министра, другая – за дочерью, еще один человек – в резерве. Даже такая задача была для нас на грани наших сил. Договорились еще, что будем меняться, те, кто сегодня следил за сыном, завтра будут следить за дочерью. Чтобы машины не примелькались...

Сегодня я следил за сыном. Его фирма располагалась в деловом центре «Стандарт» на окраине Софии. Поставив напротив здания лазерный звукозаписывающий аппарат и настроив филь-

трацию, я наслаждался реалиями болгарской деловой жизни...

– *Че, Павлин, будем скидывать?*

– *Сейчас?*

– *Я Михаилу звонил, там уже документы на проверку готовят.*

– *А че, Михаил тормознуть пока не может?*

– *Не.*

– *Почему?*

– *Недобор в бюджет. Сейчас сказали, всех мести.*

– *Сука.*

– *Подождите. А что, если банк кидануть?*

– *Как?*

– *Ну, типа у нас отчетность норм, да? Берем кредит на Павлин, потом можно будет скидывать.*

– *Кто там директор?*

– *Филипп.*

– *Какой Филипп?*

– *Он тупой совсем. Пьет.*

– *А как кредит будем получать?*

– *У меня подвязки в банке есть.*

– *Тогда пробей.*

– *Да не вопрос...*

Господи... какое все родное! Как в России себя чувствуешь...

Вечером я купил новую СИМ-карту и вышел на связь со Слоном. Слон – это мой старый друг и куратор Жека, просто он в свое время начал продвигаться по карьерной лестнице в коридорах Аквариума, а я ушел на оперативную работу, в автономку, скажем так. Но мы по-прежнему доверяли друг другу – другого и быть не могло, ведь мы познакомились в Грозном, тридцать третьего декабря², самого долгого в нашей жизни года...

Тогда у нас не было ноутбуков и скайпа. Он был лейтенантом – и я был им же. У Слона был «Макаров», две обоймы к нему, рация Алинка и одна граната (для себя). Это все, с чем он входил в Грозный. У меня было то же самое.

В тот день, помнится, мы не думали, что выйдем из Грозного. Но мы вышли и с тех пор никогда не теряли друг друга из виду. Поседали, потолстели. И многое поняли – чего не хотелось бы понимать...

² Павел Грачев бросил войска на штурм Грозного в ночь на 1 января 1994 года. Неизвестно, на что был расчет – то ли на то, что боевики будут отмечать Новый год, то ли сделать подарок на Новый год Б.Н. Ельцину. По воспоминаниям очевидцев, план готовился в расчете на «малокровное» наведение порядка, как, к примеру, в Баку в 1990 году. Войска не получили карт города, зато получили приказ не входить в здания (!!!) и не ломать лавочки. Численность группировок была как минимум втрое ниже необходимой. В итоге – бои затянулись на месяц, по городу применялась артиллерия и авиация, ни одна из группировок поставленную задачу не выполнила, а 131-я Майкопская бригада была окружена в районе ж/д вокзала и полностью разгромлена, с гибелью штаба и всех офицеров. Тогда же родилось и новое «летосчисление» – поскольку военные не отметили Новый год, они продолжали считать, что находятся в декабре 1994 года. 31 декабря – это 2 января 1995 года.

Слон выглядел весьма довольным жизнью.

– Как жизнь? – спросил я.

– Только держись. У тебя?

– Нормально.

– Ты встретился с нашим другом?

– Ага.

– И что думаешь?

– То, что фуфлю все это.

– Прямо фуфлю?

Мы использовали весьма специфический жаргон при общении, чтобы не «запалиться». «Большой брат» следит за всеми.

– Ну, сам подумай, на фиг такому человеку в такие запад-лянки вступать? Чего ему не хватает?

– Никогда не знаешь, чего ждать от людей.

– Это да. Я за его семьей решил присмотреть.

– А за ним самим?

– Слушай, как ты себе это представляешь? У меня тут только четыре человека, и то – галимое бычье. Если тебе надо конкретно проверить, обратиться к нашим местным друзьям. Чем они вообще тут занимаются, за что бабки получают.

– Легче...

– Нет, а что легче? Ты меня зачем сюда кинул?

Я сбавил обороты.

– Про нашего пропавшего кореша есть что-то новое?

– Пока ничего.

– На связь никто не выходил?

– Нет.

– Тогда мне больше нечего сказать.

– Ты бы все-таки не огорчал нашего друга. У нас и так мало друзей осталось.

– Слушай, я тут несколько дней, что я могу успеть сделать? У тебя возможностей куда больше. Упави ему на «хвост», поставь телефон на «прослушку».

– Делаем, что можем. Вообще, если честно, ты там – в резерве. На случай, если наш пропавший кент все-таки проявится и надо будет кардинально решать вопрос. Если нет – тихо уедете, как тихо приехали. А то, что вы делаете, – больше для очистки совести. Ну и... в принципе человека пробить не мешает.

– Так пробивай. Я из-за твоих пробивок в СИЗО не хочу приземлиться.

– Не кипеши. Все будет.

– То-то и оно. Ладно, расход. До связи.

Наблюдение за дочерью генерала так же не принесло ничего нового. Но, в отличие от меня, второй группе удалось поставить «маячок» на «Фольксваген». Я пытался то же проделать с «Мерседесом», но гарантированно – чтобы без за- пала – сделать это не смог.

Минус мне.

На следующий день мы поменялись местами. Следить за человеком, если на машине «жучок», намного проще – открыл WhatsApp и по карте ведешь. Так, не приближаясь и ничем особо не рискуя, я довел дочь генерала до здания университета, припарковался там, в ларьке купил кое-что перекусить. Так и бездельничал до обеда, а вот после обеда...

После обеда «Фольксваген» двинулся на выезд из города...

Я сначала не понял, а потом, когда мы были уже в предместьях, набрал номер второго экипажа:

– Кто?

– Карлик.

– Ага. Слушай, она за город не ездила вчера?

– Нет, а что?

– Да ничего. Что у вас?

– Пока тихо. Таможенный склад, налоговая...

– Продолжайте...

Мы уже двигались по трассе...

Проехав километров восемьдесят, въехали в какой-то город. Какой? Мне показалось, что российский – обшарпанные исписанные остановки общественного транспорта, раздолбанные троллейбусы «ЗИУ-682», какие-то трубы на арках над дорогой, обмотанные рваной теплоизоляцией, брошенные корпуса вдали. Сам город раздолбан в хлам, на улицах редкие прохожие и машины, первые этажи частично пе-

ределаны под бизнес, только большинство – закрыто и заключено. О том, что это не Россия, говорит только этажность домов – у нас пять этажей и девять, у болгар – четыре, шесть и восемь.

«Фольксваген» свернул во двор, образованный каре типичных шестиэтажных «хрущоб». Я остановил машину у тротуара, выскочил, бегом добежал до двора – ровно для того, чтобы успеть увидеть, как Катя Стоянова заходит в один из подъездов. Подъезд как подъезд, и лучше там не «светиться»...

Сел обратно в машину, проехал немного дальше и опять встал. Достал лазерный звукоснайматель, опустил стекло и начал направлять лазер на стекла по очереди – просто на удачу. Послушал – не то, направил на следующее. Как звучит голос дочери генерала, я знал – позвонил ей и сказал, что ошибся номером.

Восьмой – ничего. Седьмой – ничего.

Повезло на шестом. От того, что я с ходу услышал, мне стало не по себе...

Аузу би-Ляхи мине-ш-шайтани рад-жисм, Бисми-Ляхи-р-Рахмани-р-Рахим.

Хвала Аллаху, милостивому и милосердному, Господу миров, которому нет сотоварища, у которого мы просим прощения, ищем спасения от зла наших душ, от зла наших поступков.

Кого Аллах направил, того никто не собьет, а кого Аллах сбил, того никто не направит.

Я свидетельствую, что нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха, я свидетельствую, что Мухаммад – его раб и Посланник.

«О те, которые уверовали, бойтесь Аллаха должным образом и умирайте не иначе как мусульманами».

Ас-саламу алейкум ва рахмату-Ллахи ва баракатуху, дорогие братья и сестры, дорогие братья муджахиды.

Я, ваш брат по религии, Абу Усман, обращаюсь к вам и хочу начать со слов нашего великого Пророка (мир ему и благословения Аллаха): «Кто умер и не сражался, и не имел намерения к сражению, тот умер на одном из видов лицемерия».

Эти слова показывают нам, что джихад является величайшим деянием Ислама, что джихад сегодня становится обязательным для спасения Уммы.

Сегодня, дорогие братья, Умма находится в таком униженном состоянии, в таком бедственном состоянии, что джихад становится обязательным для всех нас. джихад является фard айн.

Я обращаюсь к муджахидам: мы сегодня – авангард джихада, мы сегодня – спасители этой Уммы.

Муджахиды сегодня в первых рядах. Почему? Потому что муджахиды любят Аллаха, любят Его религию и своего Пророка (мир ему и благословения Аллаха).

Я хочу обратиться к братьям всего мира, к братьям Шама и Афганистана, к братьям Кавказа и Пакистана, ко всем муджахидам. Я молю Аллаха за вас. В первую очередь я хочу принести соболезнования в связи с потерями братьев, которые покинули нас.

Мы знаем, что они не погибли, что они живы и получают удел у своего Господа. Мы знаем, что они ждут нашего присоединения в Раю, иншааЛлах. Мы просим Аллаха, чтобы Он дал нам иман и позволил присоединиться к нашим братьям, чтобы Он дал нам степень Шахады в этом джихаде.

Сегодня мы выполняем приказ Аллаха, и мы в авангарде этой Уммы, поэтому я прошу, братья, активизировать джихад, активизировать операции по уничтожению врагов Аллаха.

Также хочу обратиться к братьям мусульманам, которые живут на территориях, оккупированных кяфирам и мусульманских земель, – не забывают, что и для вас джихад сегодня является священным фард айном. Не забывают, что мы сегодня одна Умма.

Если сегодня идет джихад в Сирии против врага, который хочет уничтожить Ислам, то и для вас это становится джихадом, для вас это становится фард айн.

Я призываю вас, чтобы вы уничтожали врагов Аллаха, там, где вы находитесь. Я призываю вас, чтобы вы уничтожали врагов там, куда доходят ваши руки, чтобы вы открыли фронты джихада.

Сегодня идет тотальная война. Она не нами была объявлена кяфирам, а кяфиры объявили ее нам. Когда идет тотальная война, не остается мирного населения. Если нам объявили тотальную войну, то Аллах разрешает нам воевать с ними так, как они воюют с нами. Когда они бомбят мусульман, они убивают и стариков, и женщин, и детей. Потому мы имеем сегодня право воевать с ними так, как они воюют с нами. Я призываю вас, воюйте с ними, уничтожайте их, не оставляйте в живых никого из них. Это приказ Аллаха. А мы, как богобоязненные, искренне верующие, должны выполнять приказ Аллаха.

Заканчивая свое обращение к вам, дорогие братья, я хочу сказать, что я являюсь амиром не потому, что я лучше вас. Нет, я хуже вас, но сегодня по воле Аллаха на мне лежит эта ответственность.

Я хочу искренне выразить вам свою любовь, всем тем, кто является искренне верующим в Аллаха и Его религию. Да поможет нам Аллах на этом прямом пути и убережет от тех, кто сбивает с этого пути. Мир вам и милость и благословения Аллаха, дорогие братья!

Аллаху Акбар, Аллаху Акбар, Аллаху Акбар!

Возвращался в Софию я в полном расстройстве духа.

Нет... конечно, я был рад, что вывел еще одну тайную ваххабитку на чистую воду... приходилось, знаете ли, видеть, что они творят. Ужасало другое – скорость и неотвратимость

распространения заразы. Такое ощущение, что мы имеем дело с чумой, распространяющейся по городу подобно пожару – и спасения от нее нет...

В городе сделал несколько кругов – не следят ли. Остановился у киоска... там продавали какие-то острые колбаски. Целый день на кофе – только колбасок мне и не хватало...

Уже доедая, я заметил, как напротив припарковался «Мерседес». Мне туда...

Генерал Иванов был одет как будто только что ехал с теннисного корта, – футболка-касетка черного цвета с буквами FBI, настороженные глаза...

– Как обжились?

– Нормально, – буркнул я. – Как у вас?

Генерал положил на колени кейс, открыл его и, достав фотографию, протянул мне:

– Этот?

Коммандера Сикерда я не так хорошо знал, но на фотографии точно он. Он был снят с помощью длиннофокусного объектива выходящим из самолета...

– Этот.

– Прилетел во Враждебну³ первого сентября этого года, рейс из Кутаиси, с пересадкой во Франкфурте.

Я сразу не въехал. Потом дошло.

– Простите... откуда рейс?

– Кутаиси...

³ Таким странным для русского уха словом обозначается аэропорт Софии.

Грузия. А там-то он что делал?

– Самолет был полон, – продолжал обстоятельно докладывать генерал, – но мы проверили всех пассажиров. Вместе с ним прилетели вот эти трое.

Еще три фотографии.

– Степан Суворов, Гига Горчеладзе и Антон Сигуа.

– Разрешите?

Фотографии были распечатаны на хорошей, но обычной принтерной бумаге. Я взял и стал медленно перебирать их. Конечно, по виду человека про него ничего не скажешь, но очень похоже на какую-то спецгруппу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.